

Он слегка замешкался, но всё же поднял руку и мягко взял Кэ Чи за плечо, пытаясь теплом своей ладони подарить хоть каплю успокоения Омеге, который только что был под ним. Почувствовав молчаливое согласие Омеги, он слегка усилил хватку и, поддерживая его плечо, развернул Кэ Чи. Затем, наклонившись, он максимально осторожно вонзил зубы в железо на задней части шеи Кэ Чи, чрезвычайно уязвимое место.

На железе Кэ Чи был слабый шрам, словно от какой-то операции, проведённой в прошлом.

Несмотря на подготовку, боль от пронзания железа почти мгновенно сломила психологическую защиту Кэ Чи. Его спина напряглась, как тетива лука, готовая в любой момент порваться. Плечо, которое держал Альфа, дрогнуло, за чем последовало сдавленное, учащённое дыхание.

Чэн Цзыянь заметил неладное и, введя немного своих феромонов в железо, быстро отступил.

Но нежность эбенового дерева лишь на мгновение задержалась на железе Кэ Чи, после чего исчезла без следа. На месте укуса Альфы выступила капля крови, и вскоре остался лишь слабый аромат розы, исходящий от самого Омеги.

«Метка не удалась».

Оба замолчали. Кэ Чи даже не удержался и потрогал свою железу, только что прокушенную Альфой, почувствовав кровь. Поднеся палец к носу, он явно ощутил лишь свой собственный запах феромонов.

Такое могло произойти только в случае, если совместимость феромонов Альфы и Омеги была ниже минимального порога. Однако на улице любая случайная пара Альфа и Омега имела бы совместимость выше среднего.

Между ними невозможно было поставить метку, а его собственные запасы подавителей кто-то заменил на стимуляторы течки. И его вторая волна течки должна была начаться вскоре.

Он больше не мог полагаться на этого Альфу, с которым никогда раньше не встречался, и не мог снова отдавать все свои слабости, даже если он не смог бы пережить эту течку в одиночку.

Кэ Чи замер на мгновение, затем повернулся к Чэн Цзыяню и показал улыбку, которая в глазах Альфы выглядела особенно мрачной.

Он опустил глаза, его бледные губы едва изогнулись в улыбке, которую он использовал, работая в баре «Цзуйсэ», словно всё удовольствие и вся уязвимость, которую он показал перед Альфой, были лишь иллюзией.

— Спасибо вам, — сказал он. — Цена за звёздного хоста в «Цзуйсэ» немалая, так что не стоит платить.

Чэн Цзыянь на мгновение оцепенел. Детское лицо Омеги, спокойное и нежное, наложилось на его нынешнюю красоту, а затем рассыпалось. Он почувствовал невыносимое раздражение и недоверие, и даже в его обычно мягком голосе появились нотки гнева:

— Ты всегда так унижаешь себя?

Кэ Чи замер, его сердце сжалось, словно что-то тяжёлое давило на него, причиняя тупую боль, которая лишала сил что-либо отвечать.

Но он лишь медленно поднял глаза на Чэн Цзыяня, его густые ресницы всё ещё были влажными, а уголки губ изогнулись в едкой насмешке:

— Унижаю ли я себя? Разве не так много Альф готовы платить деньги, чтобы лечь со мной?

— Вы приходили так много раз, разве не ради этого? — Кэ Чи не стал ждать его реакции и повернулся спиной, делая вид, что поправляет свою растрёпанную одежду.

Его тон был настолько спокоен, что Чэн Цзыянь не заметил, как из уголка глаза Кэ Чи тихо скатилась слеза, упав на смятую юбку и оставив тёмное пятно.

Альфа за спиной молчал несколько мгновений. Кэ Чи почти слышал, как тот скрежетал зубами, смеясь от злости, но, возможно, это было лишь его воображение. Он лишь услышал, как Чэн Цзыянь медленно выдохнул, с усталостью и разочарованием, которые причиняли боль его сердцу, а также с чем-то, что он в спешке не смог распознать — сожалением и виной.

Чэн Цзыянь смотрел на его тонкую спину, напряжённо выпрямленную, и произнёс, чётко выговаривая каждое слово:

— Я не такой.

Кэ Чи закрыл глаза, его ладони, сжатые в кулаки, были исцарапаны его же ногтями. Слыша шаги Альфы, быстро удаляющегося, и звук хлопнувшей двери, он больше не мог удерживать себя и рухнул на кровать, в мягком одеяле которого ещё оставался запах их недавнего безумия.

Казалось, он ненароком ранил Альфу, который хотел ему добра.

И сделал это в таком жалком и легкомысленном виде.

Но вторая волна течи, надвигающаяся с неистовой силой, не оставляла ему времени на сожаления и угрызения совести.

Он укутался в одеяло, не оставив даже щели для воздуха. Он не мог понять, была ли это духота от недостатка воздуха в замкнутом пространстве или жар, поднимающийся изнутри, который почти душил его.

Он словно оказался в печи, где пламя постепенно пожирало его волю, тянуло его последние остатки сопротивления. Его нос был наполнен запахом роз, смешанным с металлическим привкусом, который вызывал у него отвращение.

Сознание постепенно туманилось, и Кэ Чи почувствовал, что падает вниз, но он больше не хотел сопротивляться.

Он был слишком уставшим.

Он даже чувствовал несправедливое раздражение.

Раздражение на Тань Ю, которая проявила доброту, проходя мимо той сырой и тёмной аллеи, на Альфу, которого он многие годы хранил в глубине души, того, кто когда-то подарил ему тепло и свет, на родителей, которые бросили его при рождении, так и не увидев...

Его существование с самого начала не было желанным.

Судьба лишь скупо подарила ему немного сладости, а затем без колебаний бросила его в

бескрайнюю тьму.

Было уже раннее утро, когда Чэн Цзыянь вернулся в «Цзуйсэ» с купленными подавителями. Бар уже закрывался, и довольные Альфы, обсуждая свои ночные успехи, уходили.

Тань Ю, с сигаретой в зубах, стояла за стойкой, подсчитывая дневную выручку. Все огни в баре были выключены, кроме розового света у стойки, который, хотя и создавал атмосферу интимности, почему-то раздражал Чэн Цзыяня.

Она заметила, что кто-то подошёл, и, подняв глаза, увидела Чэн Цзыяня. Она удивлённо приподняла бровь, оглянулась в сторону узкого коридора, а затем снова посмотрела на него.

Тань Ю не стала спрашивать, что произошло, лишь сняла сигарету с губ, потушила её и выбросила в мусорное ведро у ног:

— Спасибо за помощь моему сотруднику. Сегодняшний счёт за ваш счёт.

Она нажала на калькуляторе, и холодный механический звук «ноль» прозвучал особенно громко в тишине ночи.

Чэн Цзыянь, видя её равнодушное отношение, не смог сдержать раздражения:

— Вы не проверили, как он?

— Его комната отдыха всегда под его контролем, — Тань Ю улыбнулась безупречной улыбкой.

— Никто не войдёт туда без его разрешения, даже я, как владелица.

В воздухе витал запах сигарет, смешанный с неопределённым ароматом бара, что вызывало у Чэн Цзыяня ещё большее раздражение. Обычно мягкий и доброжелательный, он теперь выглядел холодным. Он поставил пакет с вещами на стойку с некоторой силой:

— Его подавители не работают, сейчас у него течка. Вот новые подавители, передайте ему.

Тань Ю заглянула в пакет, увидев на упаковке дорогих подавителей надпись, и невольно цокнула языком, подняв глаза на Чэн Цзыяня:

— Такие дорогие подавители мы не оплачиваем. Если вы купили их для него, лучше передайте лично.

Чэн Цзыянь смотрел на неё несколько мгновений, чувствуя недоумение:

— Вы не боитесь, что я воспользуюсь этим, чтобы сделать что-то с вашим сотрудником?

Женщина-Альфа, словно услышав что-то забавное, улыбнулась шире:

— Это уже другая цена — если вы сможете заставить его открыть вам дверь.

Но на самом деле, когда Чэн Цзыянь хлопнул дверью, он не запер её. Кэ Чи, укутавшийся в одеяло, чтобы пережить течку, не нашёл сил, чтобы запереть дверь своей комнаты.

Комната была наполнена горьким ароматом роз, утратившим свой яркий и страстный запах, который когда-то был так притягателен для Альфы.

<http://bllate.org/book/16759/1562885>